

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH183729-750>

Музейбли Наджаф Алескер оглу

д.и.н., профессор, зав. отделом

Институт археологии, этнографии и антропологии НАНА, Баку, Азербайджан

necsf_museibli@mail.ru

КАМЕННАЯ ИНДУСТРИЯ ЛЕЙЛАТЕПИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. Своеобразная каменная индустрия является одной из характерных черт лейлатепинской культуры периода позднего халколита (конец V – первая пол. IV тыс. до н.э.). Эта археологическая культура изучена, в первую очередь, на основе памятников, выявленных на территории Азербайджана. Обширная коллекция изделий из камня была получена в ходе масштабных раскопок на таких поселениях лейлатепинской культуры, как Лейлатепе, Беюк Кесик I, Пойлу II, Галаери. Небольшие по масштабам полевые исследования, произведенные на поселениях Агылы Дерё, Селахан и некоторых других, также относящихся к изучаемой культуре, дали практически аналогичные каменные материалы. Определения функционального назначения выявленных каменных изделий с памятников этой культуры позволяют прийти к выводу, что носители этой археологической культуры вели оседлый образ жизни, занимаясь, в основном, земледелием и скотоводством. В результате раскопок было выявлено множество орудий, изготовленных из различных пород камня и характерных для раннеземледельческого хозяйства – это, в частности, зернотерки, терочники, вкладыши серпов и т.д. Исследования свидетельствуют о преобладании кремневых изделий над обсидиановыми на всех памятниках культуры, за исключением поселения Галаери. Из указанных памятников лейлатепинской культуры выявлены и другие орудия и изделия из камня – детали гончарного круга, навершие булавы, скипетры, гири и др. Каменная индустрия лейлатепинской культуры тесно связаны с историческими традициями Восточной Анатолии и Северной Месопотамии. В то же время, в памятниках майкопской культуры обнаружены близкие аналоги некоторых специфических каменных изделий лейлатепинской культуры.

Ключевые слова: лейлатепинская культура; зернотерки; терочники; обсидиан; кремнь; вкладыши серпов; скребки; предметы из камня.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH183729-750>

Najaf A. Museibli

Dr. Sci. (History), Professor

Institute of Archeology, Ethnography and Anthropology ANAS, Baku, Azerbaijan

necef_museibli@mail.ru

STONE INDUSTRY OF LEILATEPE CULTURE

Abstract. One of the characteristic features of the Leilatepe culture of the Chalcolithic period (end of the 5th millennium BC – first half of the 4th millennium BC) is its unique stone industry. This archeological culture has been studied mainly on the basis of sites in the territory of Azerbaijan. Extensive excavations in Leilatepe, Beyuk Kesik I, Poylu II, Galayeri settlements belonging to the Leilatepe culture revealed numerous stone tools. Similar tools were also discovered as a result of short-term excavations carried out in residential areas of Agili Dere, Selakhan, and some others belonging to this culture. The discovered stone tools and their functional purpose gives us reasons to conclude that the bearers of this culture lived a sedentary life and were mainly engaged in agriculture and cattle breeding. Thus, during the excavations a large number of quern stones, graters, sickle teeth, etc., typical for early farming, made of different types of stones, were found. The explorations showed the prevalence of flint tools over obsidian products in all other sites belonging to the Leilatepe culture, except for the Galayeri settlement. Alongside with them, other tools and products made of stone – details of a potter's wheel, mace heads, scepters, balance weights, etc. – were found in the sites of the abovementioned Leilatepe culture. The stone industry of the Leilatepe culture is closely related to the traditions of Eastern Anatolia and Northern Mesopotamia. At the same time, similarities of some specific stone samples of Leilatepe culture were found in the sites of Maikop culture.

Keywords: Leilatepe culture; quern stones; graters; obsidian; flint; sickle teeth; scrapers; stone artifacts.

Введение

Раннеземледельческий период в древней истории Южного Кавказа, охватывающий эпохи неолита и халколита, характеризуется, с одной стороны, тесными связями с более прогрессивными культурами Ближнего Востока, а с другой стороны, интенсивным развитием местного производства. Лейлатепинская культура, сформировавшаяся в конце V – нач. IV тыс. до н.э. в результате последовательной миграции племен из Восточной Анатолии и Северной Месопотамии на Южный Кавказ, отличалась высоким уровнем развития производственных технологий в контексте всего региона.

Раскопки поселений лейлатепинской культуры, расположенных в Карабахском районе (Лейлатепе), в западных регионах Азербайджанской Республики (Беюк Кесик I, Пойлу II, Селахан, Агылы дере и др.), в Габалинском районе (Галаери) Азербайджана, дали огромный материал для изучения халколита Южного Кавказа. Именно благодаря проведённым на этих памятниках обширным археологическим исследованиям была выявлена богатейшая коллекция каменных изделий лейлатепинской культуры, позволившая выделить их характерные черты. Коллекция каменных артефактов представлена орудиями труда и различными предметами.

Каменный ассамбляж памятников изучаемой культуры, носители которой занимались, главным образом, земледелием и скотоводством, формирует ясное представление об уровне развития хозяйственной деятельности и о ее связях с памятниками халколита Передней Азии. Каменный инвентарь состоит из орудий и изделий различного назначения, изготовленных из различных пород камня.

Материалы и обсуждения

Орудия для размола. Зернотерки, выявленные на эпонимном памятнике лейлатепинской культуры поселении Лейлатепе, имеют овальную и удлинённо-овальную формы (рис. 1, 1). Они отличаются своеобразным оформлением – края их рабочей поверхности оббиты крупными фасетками [1, с. 68]. На других памятниках лейлатепинской культуры зернотерки такого типа не выявлены.

Терочники и песты изготавливались из удлинённых речных камней. Использовались оба, а в некоторых случаях лишь один конец орудий. На поселении Лейлатепе количество таких орудий ограничено [1, с. 68–69].

Сосуды из камня имеют различные формы (рис. 1, 2). На двух из них в центре имеется значительное углубление, а третье имеет форму плоской чаши [1, с. 69]. Можно предположить, что такие каменные чаши использовались в качестве ступ.

В поселениях Беюк Кесик I и Пойлу II выявлены нижние и верхние зернотерки [2]. Вероятнее всего, крупные по размеру зернотерки использовались стационарно и укреплялись по краям мелкими камнями. Рабочая поверхность нижних крупных зернотерок в результате длительного использования углублена и приняла ладьевидную форму (рис. 1, 4). Верхние камни зернотерок с ровной поверхностью имеют поперечный срез прямоугольной формы. Длина таких зернотерок достигает 27–28 см.

На поселении Галаери обнаружено больше зернотерок, чем на других поселениях лейлатепинской культуры [3, р. 70]. Изготовленные из пористых камней серого цвета они имеют удлинённую, овальную, а порой и округлую формы. В некоторых случаях были выявлены крупные зернотерки, у которых середина рабочей поверхности сильно углубилась от длительного использования и приобрела ладьевидную форму. На рабочей поверхности некоторых зернотерок имеются углубления диаметром 3–5 см, которые не связаны с дополнительными функциями этих орудий. Они характерны для лейлатепинской культуры и выявлены также на поселении Беюк Кесик (рис. 1, 3) и на Натухаевском поселении Северного Кавказа, относящегося к майкопской культуре [5, s. 174; 4].

Терочники и песты также относятся к орудиям для размола (рис. 1, 6–7). У пестов, удобных для удерживания в руке и изготовленных из удлинённых речных камней, обычно оба конца были рабочими. В отличие от них, у терочников использовалась только одна сторона. Это объясняется тем, что в процессе использования рабочий конец терочника быстро стирался, а второй сохранялся в удобном для удерживания состоянии. Крайне редко встречаются песты с отшлифованной поверхностью. Максимальная длина пестов составляет 21–22 см.

Один из интересных пестов выявлен на поселении Пойлу II (рис. 1, 5). Одна сторона данного орудия, изготовленного из речного камня, толще другой. На утолщённой стороне камень обломан; сохранившаяся высота составляет 19 см, толщина в узкой части равна 5–6 см, а в утолщённой – 7–10 см. Вся поверхность этого орудия в процессе утилизации оказалась полностью выровнена и заполирована. В результате использования по всей длине поверхности камня образовалось шесть выраженных участков. Края узкого конца в ходе эксплуатации выровнены, как у ударного орудия, но сам конец не имеет подобных следов износа. На поверхности утолщенной части орудия в одном месте имеется бугорок. Он также относится к используемой части орудия и его поверхность имеет следы эксплуатации. Нельзя исключать использование этого предмета в качестве антропоморфного ритуального объекта [5, s. 172].

Топоры. Орудия данного типа представлены в незначительном количестве. На поселении Пойлу II выявлено всего несколько таких орудий или их фрагментов. Все выявленные топоры клиновидные. Один из них, по сравнению с другими, более крупный. Его ширина и сохранившаяся высота равны 10 см, толщина – 3,5 см. На рабочем конце этого топора имеются сколы. Из-за того,

что топор выявлен не в целом состоянии, определить его изначальную высоту не представляется возможным. Поверхность топора, изготовленного из речного камня, слегка отшлифована.

Один из обнаруженных топоров вызывает особый интерес (рис. 2, 1). Этот клиновидный топор, выявленный в Пойлу II на глубине 40 см, изготовлен с большим мастерством из плотного тёмно-зелёного камня. В процессе его оформления на краях образовались ребристые пересечения, а в верхней части – ровная площадка. На утончающемся рабочем конце топора наблюдаются мелкие сколы. Вся поверхность топора хорошо отполирована. Незначительное количество сколов на рабочем конце топора, говорит о том, что его редко использовали для выполнения грубых рабочих операций. Высота топора 8,5 см, ширина в верхней части 3,5 см, в нижней – 5 см, максимальная толщина орудия 2,5 см. В целом, постоянное интенсивное использование орудий этого типа в производственной деятельности не предусматривалось [5, с. 173].

Топор или клиновидное орудие такого типа, но более маленького размера, было выявлено на поселении Галаери на глубине 2,7 м. Вся поверхность этого орудия, изготовленного из плотного, темно-зелёного камня, была выровнена и отшлифована (рис. 2, 2).

Другие орудия из камня. Среди интересных каменных находок следует отметить несколько конусовидных орудий, изготовленных из пористого камня (рис. 2, 3–4). У них одна сторона плоская, другая – выпуклая. В центральной части сделано сквозное отверстие. Больше всего такие орудия обнаружены на поселении Галаери [3, fig. 10, 3, 4]. По форме они напоминают пряслица, но значительно больше по размерам. Не исключено, что это детали гончарного круга [2]. Их диаметр составляет 17–18 см. Основания для данного вывода дают и этнографические параллели. Так, по этнографическим наблюдениям, у некоторых гончарных кругов, приводимых в движение ногой, основные элементы состоят из полушаровидных нижних и верхних колес. Но эти колеса изготавливались из дерева [6, с. 33].

Среди каменных орудий труда с поселения Галаери один экземпляр особенно интересен (рис. 3, 1). У этого орудия, изготовленного из плоского речного камня удлинённой формы, с одной стороны в верхней части сделано углубление. Близкая аналогия этого орудия известна с поселения Беюк Кесик I (рис. 3, 2). Аналоги им известны из слоя XI-A поселения Тепе Гавра (рис. 3, 3, 4). По мнению А. Тоблера, после закрепления обсидиановой пластины в углублениях этих камней при помощи битума, они использовались как режущие орудия [7, р. 202, pl. CLXXVI]. Орудия этого типа, выявленные на поселениях лейлатепинской культуры, не имеют аналогов на Кавказе.

На поселение Галаери на глубине 2,8 м выявлены два оселка. Первый оселок (рис. 4, 1) изготовлен из небольшого темно-зелёного камня мелкозернистой породы. Он имеет удлиненную, дугообразную форму с прямоугольным сечением на основной части и с округлым сечением у утонченного конца. Поверхность точильного бруска гладкая, заполированная. Следы обработки в виде тонких,

параллельных линий, перекрывающих друг друга, обнаруживаются на широких, плоских гранях изделия, а также на скругленном, дугообразном конце. Размеры оселка: длина – 14 см, ширина – 3 см, толщина – 1,8 см.

Второй небольшой оселок изготовлен из речной темно-зелёной плоской удлинённой гальки. На одном конце имеет сквозное биконическое отверстие для подвешивания. Противоположный конец оселка более широкий. Вся поверхность гладкая. Длина оселка составляет 4,7 см, ширина – 2 см, толщина – 4 см (рис. 4, 2).

Аналогичные оселки известны из памятников майкопской культуры, в частности, из Большого Майкопского кургана (длина 14 см) и из кургана № 13 (длина 11 см) некрополя Усть-Джегута. По мнению С.Н. Корневского, «оселки» майкопской культуры не имели практического назначения, а, возможно, выполняли функцию, близкую по назначению к скипетрам, используемым в погребальных ритуалах [8, с. 218, 235, рис. 44, 7; 9, с. 106, рис. 12, 11].

Скипетры. На памятниках лейлатепинской культуры обнаружено два каменных скипетра. Первый был обнаружен в 2006 г. в погребении № 1 Союгбулагского могильника (рис. 4, 3). Он имеет круглое сечение, конец скипетра оформлен в виде конской головы [10].

Второй скипетр выявлен на поселении Пойлу II [11]. Он изготовлен из удлинённого камня с прямоугольным сечением, конец скипетра оформлен в виде изображения животного – коня или собаки (рис. 4, 4).

Близкая аналогия лейлатепинским скипетрам выявлена в кургане III Се Гирдан около оз. Урмия. Обнаруженный здесь каменный скипетр изображает льва [12, р. 117].

Выявленные в V–III тыс. до н.э. на памятниках юго-восточной Европы зооморфные каменные скипетры трактуются в научной литературе именно, как символы власти [13, с. 253; 14, с. 57–76; 15, с. 159–160]. Скипетры, обнаруженные на памятниках лейлатепинской культуры, типологически отличаются от скипетров, происходящих из синхронных памятников Европы. Европейские скипетры более крупные по размерам и утолщённые, а лейлатепинские, напротив, более мелкие и утончённые. В функциональном плане лейлатепинские скипетры, очевидно, также выступали символом власти и подчеркивали существовавшие иерархические отношения в обществе.

Различные предметы из камня. Выявленные в Лейлатепе так называемые «кубовидные» камни привлекают внимание своей структурой и обработкой. Такие орудия изготовлены из плотного или пористого камня сероватого или беловатого цветов. На всей площади этих орудий имеются следы их обработки. Исследователи отмечали, что функциональное назначение этих камней остается неизвестным и в предшествующий и последующий кура-араксский периоды они отсутствуют [1, с. 69]. Впоследствии, при раскопках поселения Беюк Кесик была обнаружена точная аналогия этого орудия. Аналог такого специфического орудия известен только с Натухаевского поселения майкопской культуры [4]. На рабочих участках этих орудий сохранились следы слабых ударов, в виде

округлых вмятин, вследствие чего эти орудия условно можно назвать накопальной. Их применяли в небольших ударных операциях.

На памятниках лейлатепинской культуры обнаружено также два каменных навершия булав. Навершие, выявленное на поселении Беюк Кесик I, изготовлено из речного камня серого цвета. Изделие (рис. 5, 1) имеет форму сплюсненно-го эллипсоида, заглаженную поверхность. В центре имеется сквозное биконическое отверстие, сделанное двусторонним сверлением, в котором сохранились остатки битума, использовавшегося для крепления деревянной рукояти. На краях навершия имеются мелкие сколы – видимо, это орудие частично использовалось в ударных целях. Диаметр изделия по широкой стороне равен 6,5 см, по короткой – 5,3 см, толщина – 3,3 см.

Ещё одно навершие булавы, точнее – его фрагмент, найдено на поселении Агылы Дерё (рис. 5, 2). Оно имеет грушевидную форму и изготовлено из тёмно-серого камня. Обнаружена лишь половина орудия, сломанного вдоль всей длины. Посередине изделия имеется сквозное отверстие. Широкое по краям отверстие к центру сужается. В центре сохранилась выпуклая часть. В целом по всей длине отверстия сохранились округлой формы выпуклости, как следствие процесса сверления. Все это свидетельствует о том, что булава не была закреплена к древку, и позволяет предположить, что орудие было сломано в процессе производства. Поверхность булавы, в том числе и оба края отверстия, были хорошо выровнены. Высота булавы равна 7,5 см, максимальный диаметр составляет 6 см.

В одной из хозяйственных ям на поселении Пойлу II был выявлен ладьевидной формы речной камень (рис. 5, 3). Длина его 12,5 см, ширина ок. 5,5 см, толщина 3,5–2 см. Этот предмет постепенно утончается по направлению от одного конца к другому. Вся поверхность камня выровнена и заполирована. На внутренней стороне утолщённого конца на небольшом участке сохранились следы ударов.

Два овально-плоских каменных предмета были выявлены на поселении Пойлу II. Установить их точную функциональную принадлежность трудно. Не исключено, что их могли использовать как утяжелители (рис. 5, 4-5).

Вызывают интерес ещё два каменных предмета, неизвестные на других памятниках периода халколита Южного Кавказа. Один из них выявлен на поселении Галаери (рис. 6, 1). Поверхность предмета, изготовленного из темно-серого речного камня, очень аккуратно выровнена и отполирована. Он имеет форму овально вытянутого эллипсоида, длина его 6,5 см, ширина 5,2 см, а толщина 3,8 см. Основание верхней куполообразной части предмета окаймляет тонкий, выпуклый поясок, сделанный точением. В центре основание слегка уплощено. Ещё один широкий (7 мм), чуть выпуклый, поясок охватывает окружность камня в месте наибольшего расширения.

Второй подобный предмет (рис. 6, 2) был обнаружен археологом А. Агаларзаде на многослойном поселении Худутепе (Джалилабадский район), содержащем и слой лейлатепинской культуры. Цвет этого уплощенно-округлого камня

варьирует от тёмно-серого до светло-серого и коричневого. Диаметр изделия составляет 5–5,2 см, толщина – 3,5 см. На поверхности верхней куполообразной части камня в ходе обработки точением и полированием образовались различные следы – спиралевидные окружности и зигзаговидные линии. Нижняя часть орудия плоская. Полностью округлый камень имеет небольшой выступ в нижней части. Тонкая, чуть выпуклая линия проходит внутри канатовидной полосы шириной 6–7 мм, окаймляющей всю боковую поверхность камня в месте наибольшего расширения. Сверху и снизу от этой линии вдоль всей окружности орудия проходят еще два пояска шириной в 6–8 мм.

Аналоги этим камням и несколько иного вида предметы (круглые, квадратные, овальные и др.) известны с памятников халколита и бронзы Ближнего Востока и Европы. Исследователи считают, что они использовались как гири [7, р. 205; 16, р. 34–36; 17, р. 112–114]. Не исключено, что указанные каменные предметы из Галаери и Худутепе также использовались как гири. Следует отметить, что эти находки типологически идентичны некоторым гилям из синхронных лейлатепинской культуре слоев XI-XI-A Тепе Гавра.

Орудия из обсидиана и кремня. На поселении Лейлатепе подавляющее большинство обсидиановых орудий представлено ножевидными пластинами. Их режущие края подправлены ретушью, на них прослеживаются следы использования. Были обнаружены различные типы орудий: скребки, резцы, скобели, различные нуклеусы. Наряду с ними были выявлены, изготовленные из обсидиана, в том числе серебристого цвета, многофункциональные орудия: резец-стамеска, ножи-скребки, долота и т.д. (рис. 7, 1–3). Орудий из обсидиана (рис. 7, 4–8) намного меньше орудий из кремня.

Хотя изделия из обсидиана на поселении Беюк Кесик I составляют меньшинство среди выявленных орудий, типологически они весьма многообразны. Здесь встречены боковые и концевые скребки, скобели, резцы, долота, струга и другие типы орудий. Были найдены редкие для позднего халколита четыре наконечника стрел из прозрачного обсидиана [2].

Подавляющее большинство режущих орудий поселения Беюк Кесик I представлены ножевидными пластинами и вкладышами серпов (рис. 7, 9–13). Они изготовлены из кремня, как правило, с односторонней ретушью. Эти вкладыши крепились с помощью битума к деревянной основе серпа. Следы битума сохранились на многих из них. В некоторых случаях были выявлены вкладыши серпов с остатками битума. Интересна находка на поселении Беюк Кесик I (кв. 7Е, гл. 135 см) целого серпа с кремневыми вкладышами. Хотя деревянная основа серпа была сгнившей, расположение кремневых вкладышей *in situ* позволило полностью реконструировать форму самого серпа. Сохранившаяся длина этого дуговидного серпа составляла 23,5 см, ширина 4 см. Судя по форме и расположению сохранившихся вкладышей, этот серп можно отнести к серпам аликемектепинского типа [18, с. 87].

Большее количество орудий из кремня по сравнению с обсидиановыми наблюдается и на поселении Пойлу II. Здесь также обсидиановые орудия

типологически весьма разнообразны, обозначая сферы их применения. Интересно, что на поселении Пойлу II, хотя и в небольшом количестве (2 экз.), были обнаружены режущие орудия более архаичных форм из обсидиана, которые сохранили черты производственных традиций неолита VII–VI тыс. до н.э.

Для оформления орудий использовался кремьнь серого, жёлтого, темно-зеленого и коричневого оттенков. На поселении Пойлу II в хозяйственной яме № 2 были обнаружены сотни сколов кремневого производства, а также нуклеусы (рис. 8, 1–3). Кроме этого, были обнаружены два вкладыша серпа, 69 экз. пластин, отколотых от ядра, ретушер на речной гальке, два обсидиановых скобеля и фрагменты кремня, более непригодные для использования в качестве орудий. Видимо, данная яма на заключительном этапе использовалась для утилизации производственных отходов из близлежащей мастерской, фиксируя, тем самым, производство кремневых непосредственно на территории поселения.

Изготовленные из кремня режущие орудия представлены ножевидными пластинами и вкладышами серпов. Они, как правило, трёх или четырёхгранные (подтреугольные и ромбические в сечении) и имеют удлинённую подпрямоугольную форму. Ретушированы один, а порой и оба лезвия орудий. На некоторых вкладышах серпов сохранились следы битума. В редких случаях выявлены орудия, обработанные повторной ретушью. Встречаются также пластины без ретуши. В небольшом количестве найдены кремневые отщепы, частично обработанные ретушью.

Значительное преобладание количества кремневых изделий над остальными на поселениях Беюк Кесик I и Пойлу II, по нашему мнению, можно объяснить следующими факторами. Прежде всего, следует отметить, что жители указанных поселений генетически были тесно связаны с Ближним Востоком. Залежи обсидиана имеются в центре Анатолии в бассейне оз. Аджигель, в восточной Анатолии в бассейне оз. Ван. В других ближневосточных регионах, в том числе на территории Ирака и Ирана, залежей обсидиана нет [18, с. 25]. Видимо, проживавшие вдали от обсидиановых источников племена Месопотамии периода позднего халколита при изготовлении орудий отдавали предпочтение кремню [19, с. 77].

Режущие орудия многослойного поселения Тель Хазна, датируемого периодами Убейда, Урука и раннединастическим временем, также изготовлены из кремня. Можно сказать, что все выявленные режущие орудия использовались в качестве вкладышей для составных серпов. Предполагается, что часть этих орудий могла применяться при исполнении определенных ритуальных обрядов [20, с. 106–107; 21, с. 36]. В слое VII восточно-анатолийского памятника Арслантепе, связанном в культурно-хронологическом плане с лейлатепинской культурой, всего 20% всех режущих каменных орудий изготовлены из обсидиана [22, р. 105].

Племена, перебравшиеся в период позднего халколита из Северной Месопотамии и Восточной Анатолии на Южный Кавказ и создавшие здесь

лейлатепинскую культуру, по традиции и здесь отдавали предпочтение орудиям из кремня [19, с. 77–78]. С другой стороны, обитатели таких поселений как Лейлатепе, Беюк Кесик I, Пойлу II, являясь мигрантами, были слабо осведомлены о местных природных ресурсах, в том числе и об обсидиановых залежах. Они получали обсидиан не прямо с месторождения, а у местных племён путём обмена в виде готовых обсидиановых орудий, либо в виде готового сырья для их изготовления. Отсутствие на поселениях производственных отходов из обсидиана, использование каждого выявленного отщепка для производства орудия, также подтверждает данное предположение. Видимо жители данных поселений использовали обсидиановые орудия крайне экономично [2, р. 79].

На поселениях эпохи халколита Муганской равнины (юго-восточный регион Азербайджанской Республики), находящихся в относительном удалении от обсидиановых залежей Малого Кавказа, большая часть режущих орудий сделана из кремня. Обсидиановые орудия здесь встречаются крайне редко [23, s. 62]. Такая ситуация с каменными орудиями этих поселений связана с тем, что они, с одной стороны, связаны с ближневосточными традициями, с другой стороны, они расположены вдали от регионов с залежами обсидиана.

Поселение Галаери по обилию и разнообразию сырьевой базы и каменных орудий отличается от других памятников лейлатепинской культуры [3, р. 219]. Выявленные здесь орудия из обсидиана по количеству несколько превышают кремневые. Обнаруженные здесь различные нуклеусы, многочисленные отщепы и ретушеры свидетельствуют об изготовлении орудий непосредственно на поселении. Хотя в очень редких случаях и встречаются обсидиановые пластины тёмно-коричневого оттенка, подавляющее большинство орудий изготовлены из чёрного и, в гораздо меньшей степени, из прозрачного обсидиана. Не исключено, что обсидиановые изделия поселения Галаери имеют восточноанатолийское происхождение.

Обсидиановые изделия с типологически-функциональной точки зрения очень разнообразны. За редким исключением, подавляющая часть орудий изготовлена из пластин. Часть выявленных пластин являются многофункциональными, остальные пластины использовались как ножи или боковые скребки, оформленные на продольных рабочих краях.

Часть изготовленных из отщепов орудий составляют скребки. Это в основном боковые скребки и один экземпляр круглой формы. Предполагается, что один из скребков со сломанной боковой стороной представляет наконечник стрелы. Круглый скребок имеет утолщённую форму, пирамидально-обработанную поверхность с вертикально расположенной ретушью на сторонах.

По сравнению с другими памятниками, на поселении Галаери изделия из серебристого обсидиана более многочисленны (рис. 8, 4–7). Большая часть многофункциональных орудий изготовлена именно из серебристого обсидиана. В то же время из данного сырья были изготовлены орудия различного типа: скребки, ножи, стамески, скобели, сверла и другие, а также несколько микролитов. Наряду с этим, выявление нуклеусов серебристого обсидиана показывает,

что все перечисленные орудия изготавливались непосредственно на самом поселении. Плоские нуклеусы, микролиты и другие орудия, обнаруженные на поселении, характерны для периода мезолита и раннего неолита.

Одна из пластин представляла полифункциональное орудие (рис. 8, 5). Один край этой трёхгранной пластины использовался как нож. Более утолщённый другой край был обработан дорсальной ретушью и превращён в скребок. На стороне, выполнявшей функции скребка, ближе к концу была сделана выемка. На другом конце этой же стороны был оформлен бур.

На поселении Галаери кремневые изделия по численности занимают второе место. Кремнистые породы различных оттенков (серый, светло-зеленый, коричневый, кофейный, темно-коричневый) использовались для изготовления орудий самого разнообразного функционального назначения [3, р. 219]. В основе своей выявленные орудия пластинчатые, однофункциональные, использовались как вкладыши серпов или как составные элементы других наборных орудий. Следы битума на их поверхности, а также сработанные и заполненные рабочие зоны этих орудий, надёжно обосновывают такой вывод. Определённую часть режущих орудий составляют изделия, изготовленные из фельзита – тёмно-серого или чёрного цвета пластинчатые орудия. В типологически-функциональном смысле большинство их можно отнести к ножевидным пластинам и вкладышам серпов.

Заключение

Как видно из приведённого анализа, каменные орудия памятников лейлатепинской культуры в контексте периода позднего халколита Кавказа отличаются определённым своеобразием. Оно проявляется как в выборе сырья для изготовления орудий, так и в типологических особенностях. В то же время, в ареале лейлатепинской культуры в зависимости от функции и традиций производства наборы каменных орудия различаются на отдельных памятниках или на группах памятников. Исследования показывают, что каменная индустрия памятников лейлатепинской культуры в определённой степени связана с Восточной Анатolieй и Северной Месопотамией. С этой точки зрения интерес вызывает изготовление орудий из серебристого обсидиана. Эта традиция на Южном Кавказе не фиксируется ни до, ни после лейлатепинской культуры. Вероятнее всего, истоки этой традиции связаны с халколитом Восточной Анатolieи.

Коллекция каменных орудий поселения Галаери отличается большим разнообразием по сравнению с другими памятниками лейлатепинской культуры. Особенно это касается зернотерок и вторичного использования некоторых из них. Исследование этого памятника показало, что зернотерки с выемками на поверхности, относящиеся к периоду халколита Южного Кавказа, характерны именно для лейлатепинской культуры. Режущие орудия с функционально-типологической точки зрения также различны. Обращает на себя внимание

обилие изделий из серебристого обсидиана на поселении Галаери. Наиболее многочисленны полифункциональные орудия, изготовленные из данной разновидности вулканического стекла.

В целом, типологические особенности каменных орудий, различные виды зернотерок, кремневые и обсидиановые вкладыши для составных серпов, выявленные на лейлатепинских памятниках, свидетельствуют об оседло-земледельческом характере этой археологической культуры. В то же время, рассматриваемый каменный инвентарь является одним из основных инструментов для исследования хозяйственной жизни населения региона в конце V – первой пол. IV тыс. до н.э., а также для более правильного определения ареала распространения лейлатепинской культуры в общей системе халколита Передней Азии и Южного Кавказа.

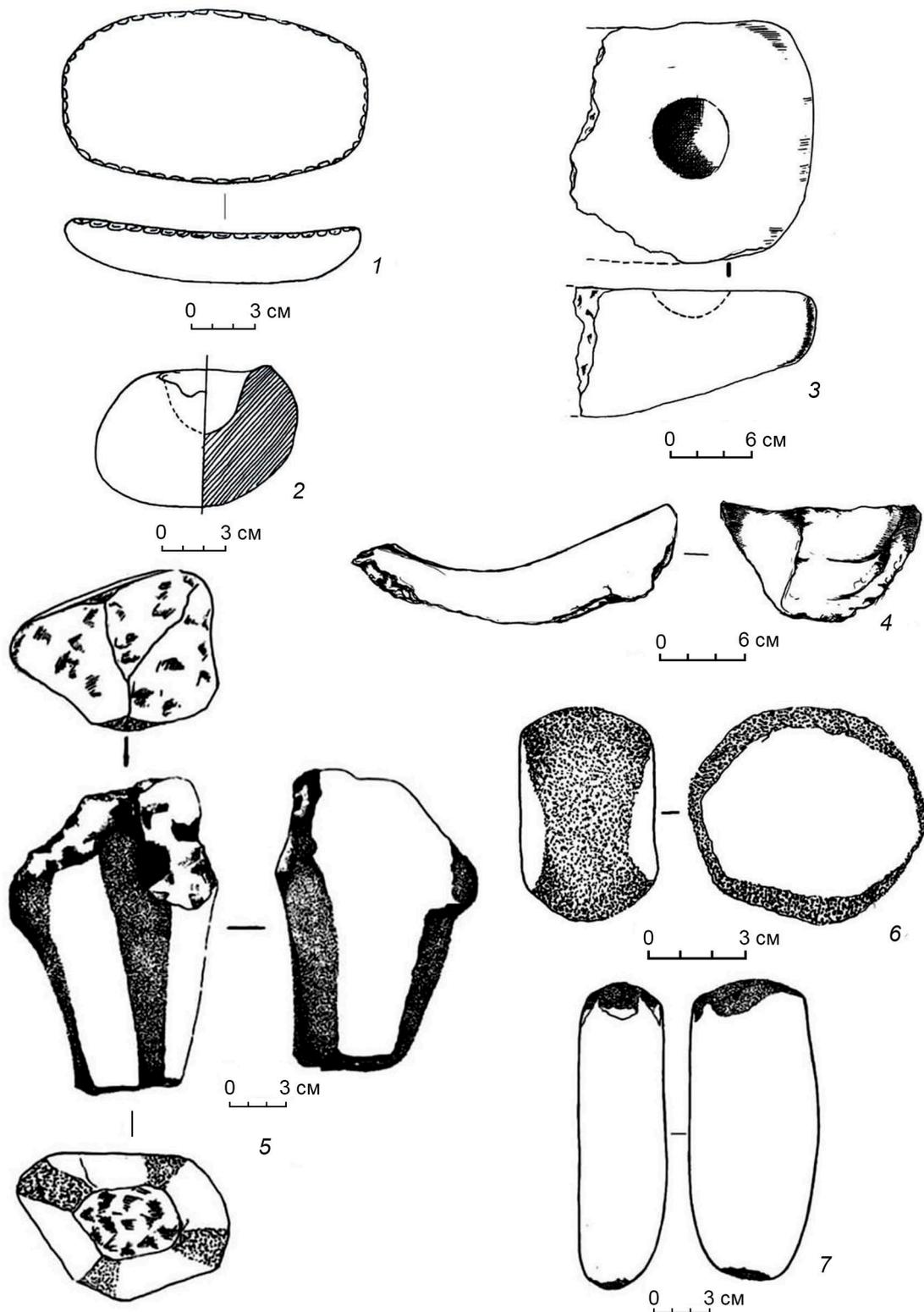

Рис. 1. Каменная индустрия лейлатепинской культуры.
Орудия для размола. 1, 2 – Лейлатепе; 3 – Бeюк Кесик; 4-7 – Пойлу

Fig. 1. Stone industry of Leilatepe culture. Stone tools for grinding.
1, 2 – Leilatepe; 3 – Beyuk Kesik; 4-7 – Poylu

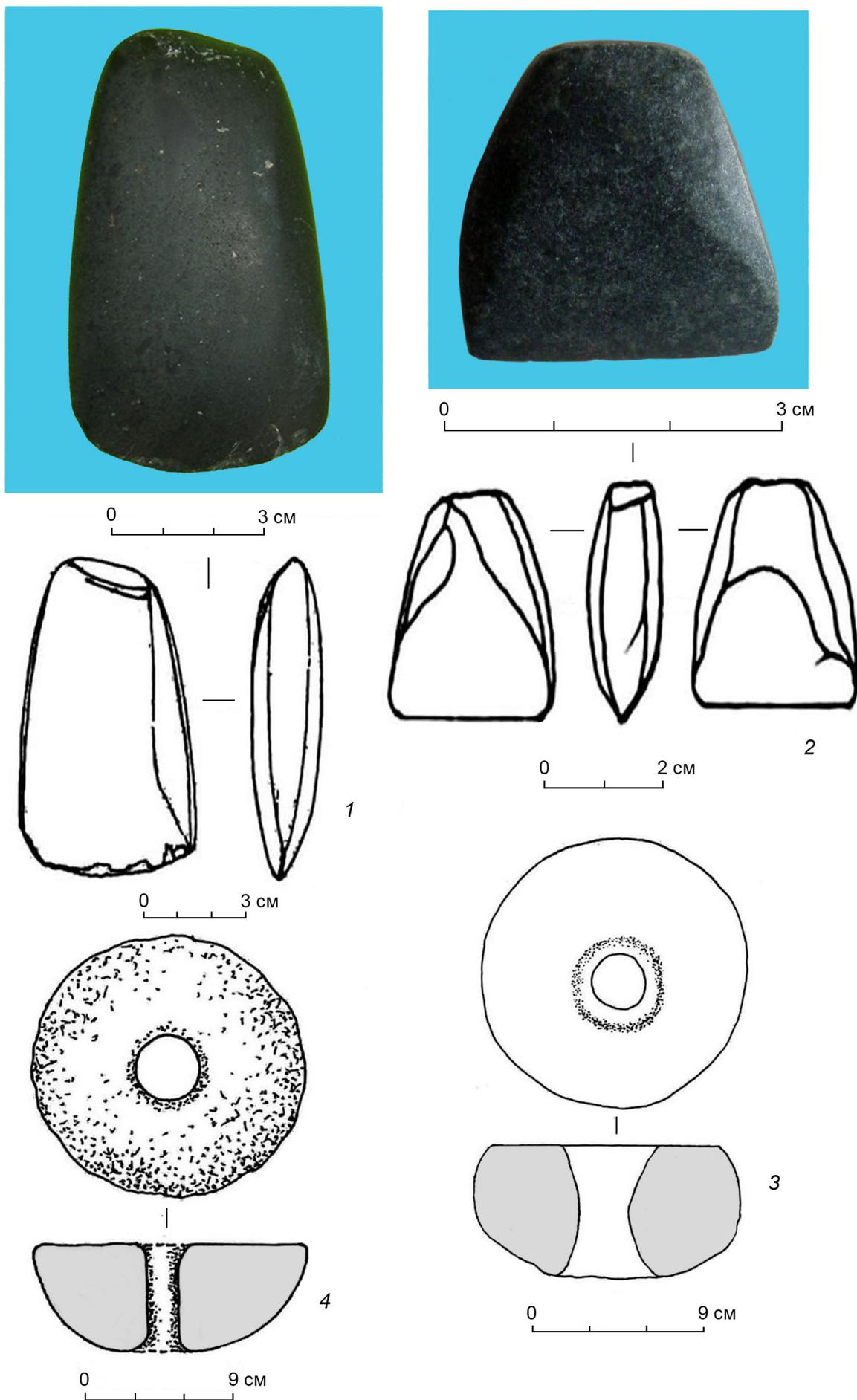

Рис. 2. Каменная индустрия лейлатепинской культуры.
 Топоры (1, 2) и детали гончарного круга (?) (3, 4). 1 – Пойлу; 2, 3 – Галаери; 4 – Бейук Кесик

Fig. 2. Stone industry of Leilatepe culture. Axes (1, 2) and details of the potter's wheel (3, 4).
 1 – Poylu; 2, 3 – Galayeri; 4 – Beyuk Kesik

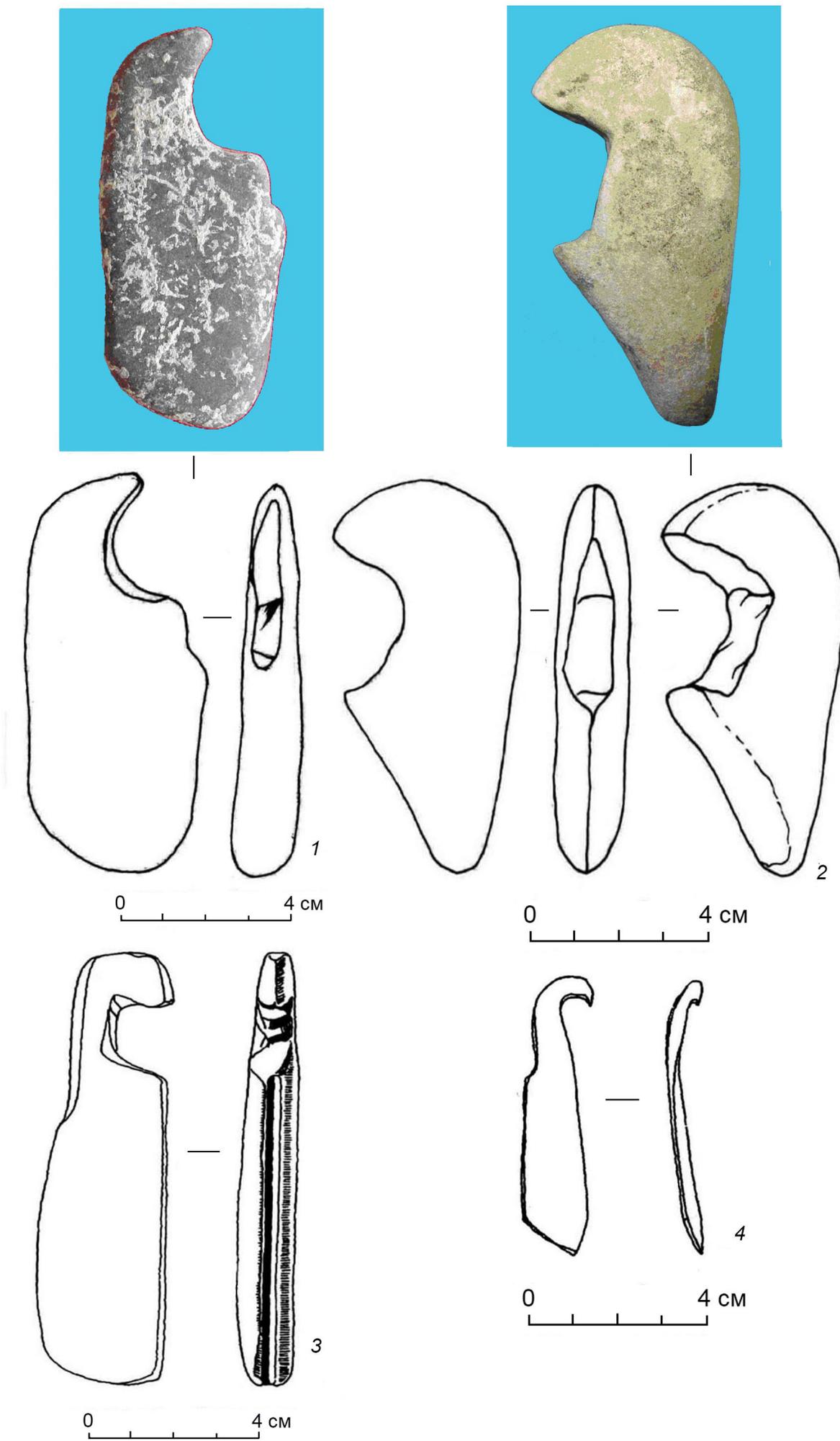

Рис. 3. Каменная индустрия лейлатепинской культуры.
1 – Галаери; 2 – Бейук Кесик; 3, 4 – Тепе Гавра

Fig. 3. Stone industry of Leilatepe culture.
1 – Galayeri; 2 – Beyuk Kesik; 3, 4 – Tepe Gawra

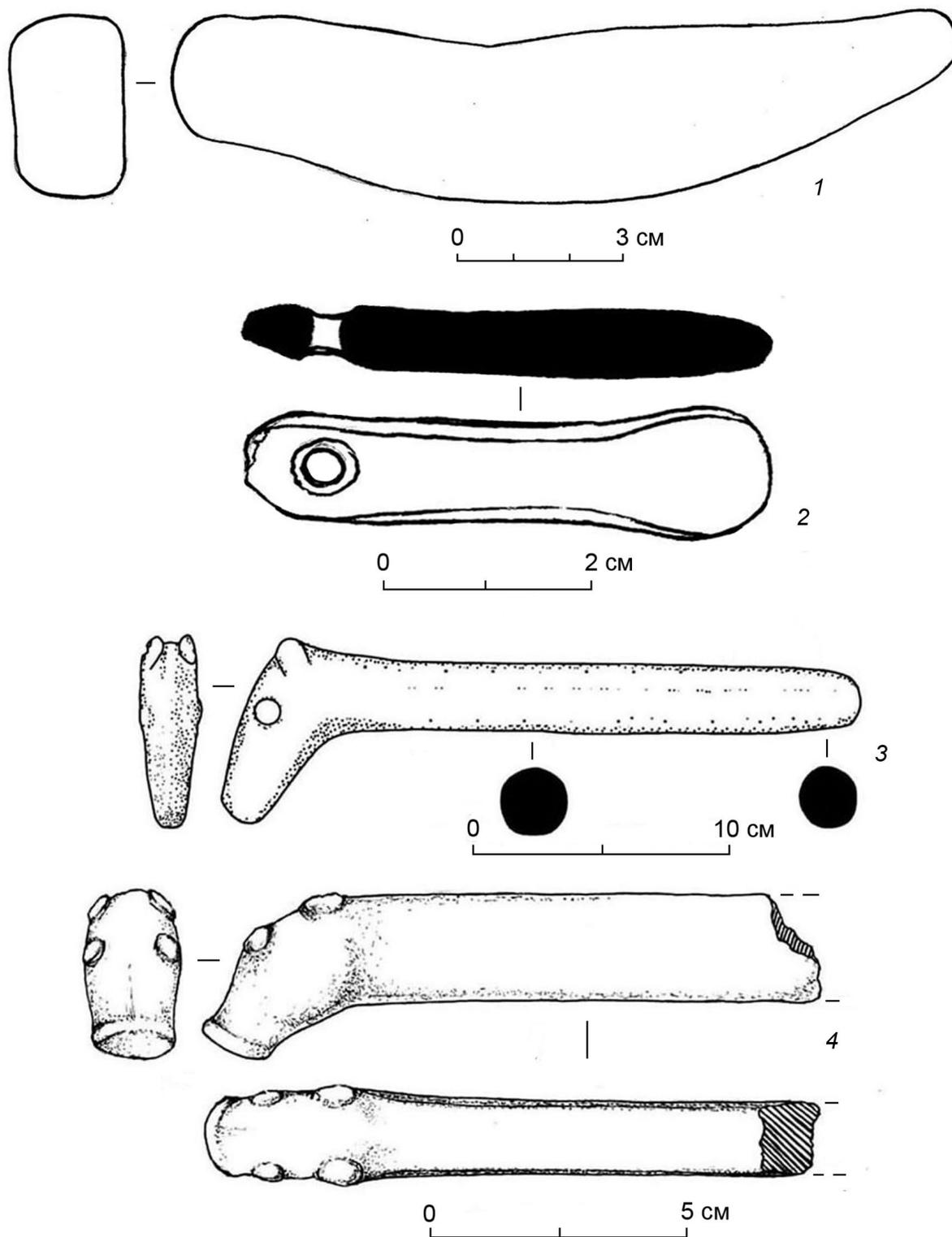

Рис. 4. Каменная индустрия лейлатепинской культуры. Оселки и скипетры.
1, 2 – Галаери; 3 – Союгбулагский курган № 1 (2006); 4 – Пойлу

Fig. 4. Stone industry of Leilatepe culture. Whetstones and scepters.
1, 2 – Galayeri; 3 – Soyugbulag kurgan No. 1 (2006); 4 – Poylu

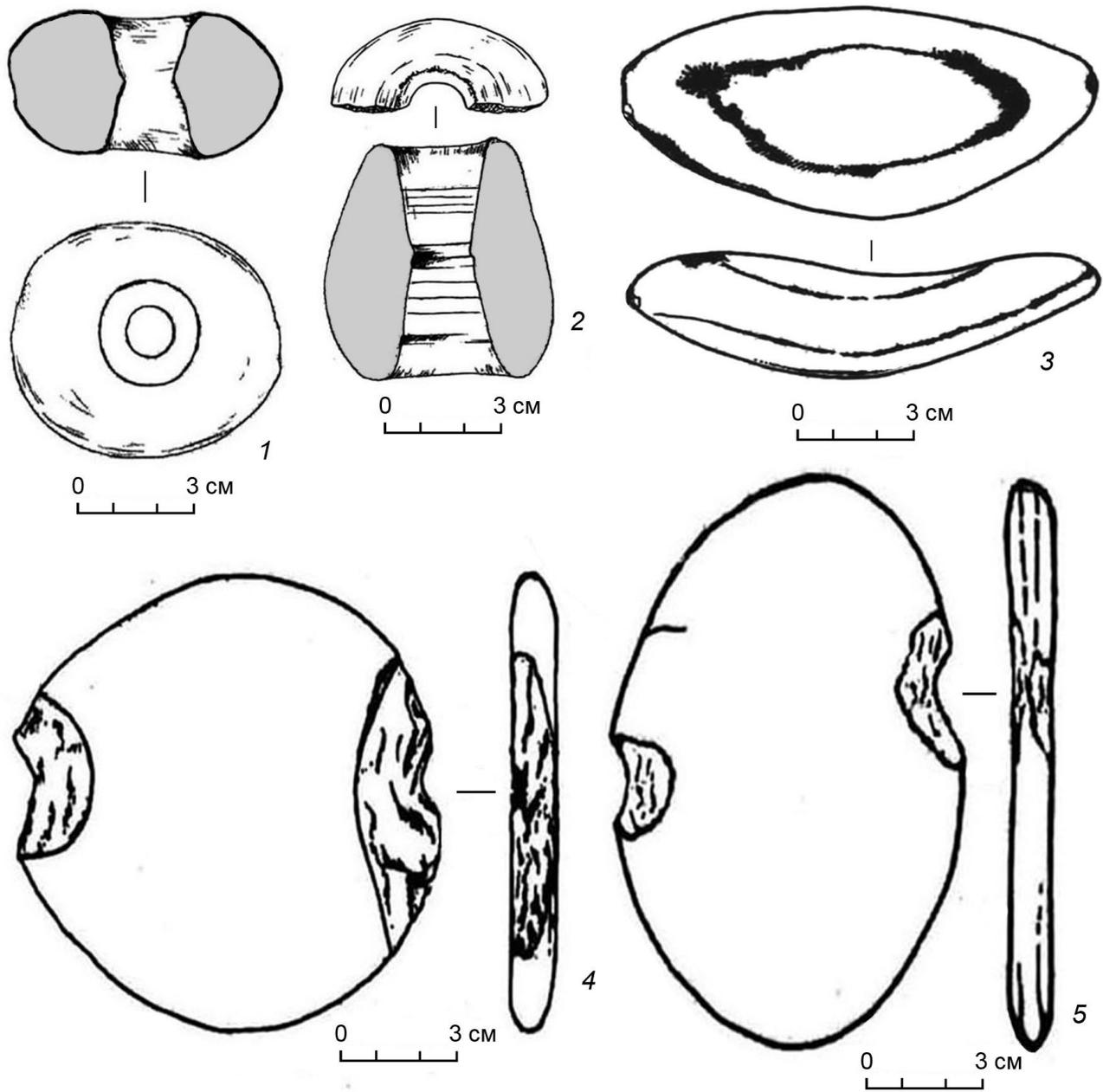

Рис. 5. Каменная индустрия лейлатепинской культуры.
1 – Бюк Кесик; 2 – Агылы дере; 3-5 – Пойлу

Fig. 5. Stone industry of Leilatepe culture.
1 – Beyuk Kesik; 2 – Agily dere; 3-5 – Poylu

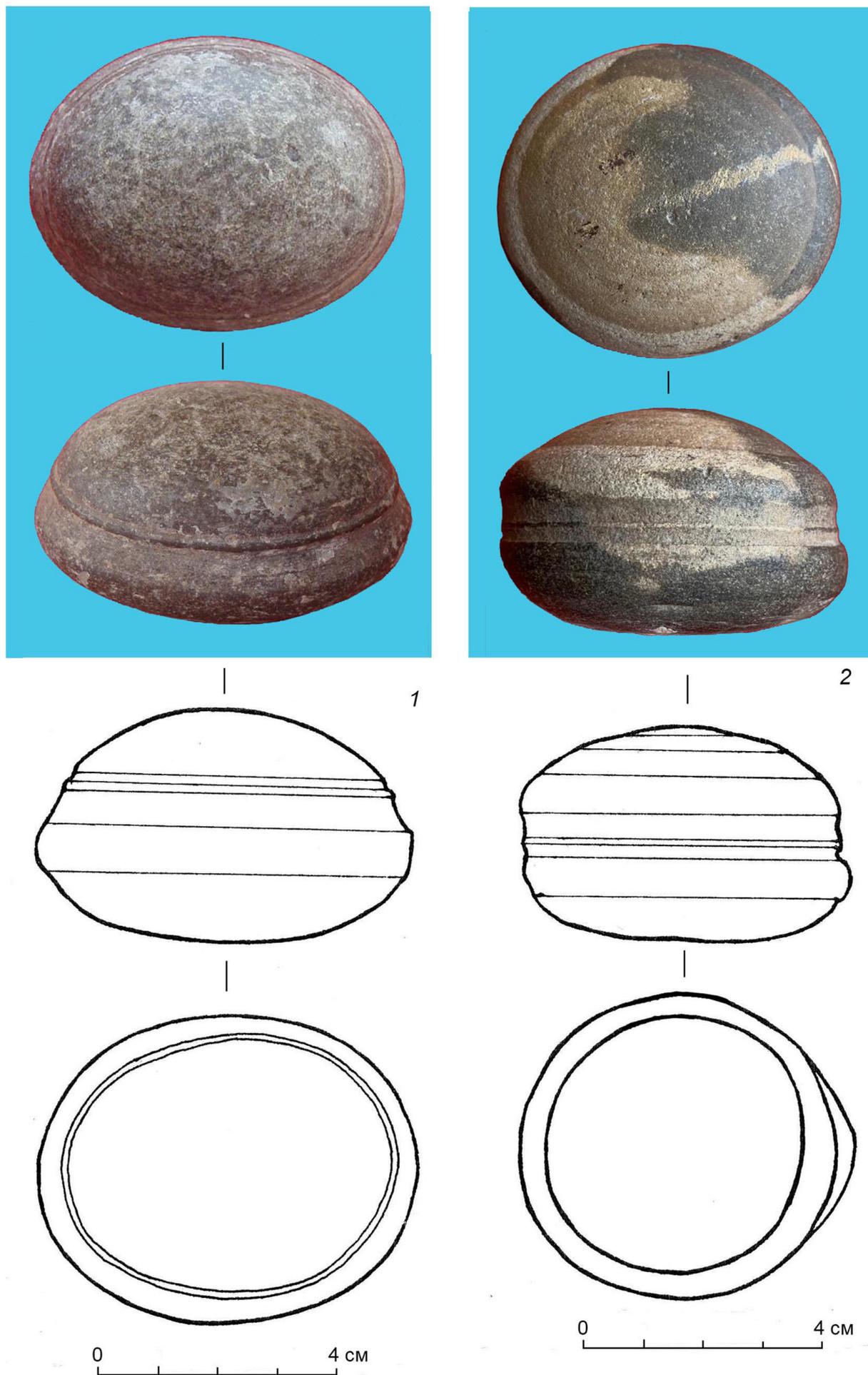

Рис. 6. Каменная индустрия лейлатепинской культуры.
Гири. 1 – Галаери; 2 – Худутепе

Fig. 6. Stone industry of Leilatepe culture.
1 – Galayeri; 2 – Khudutepe

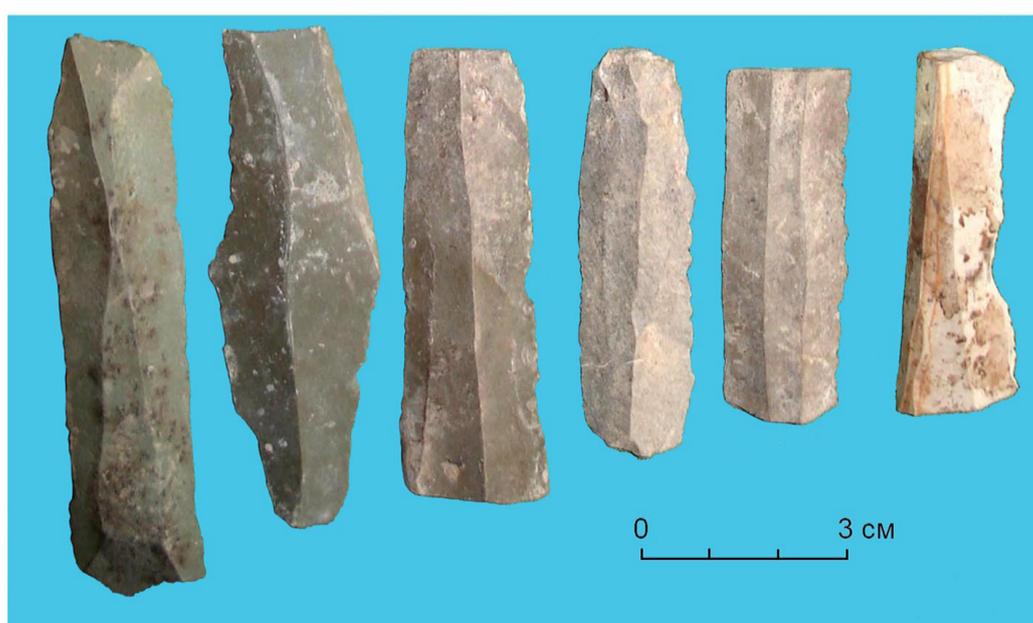
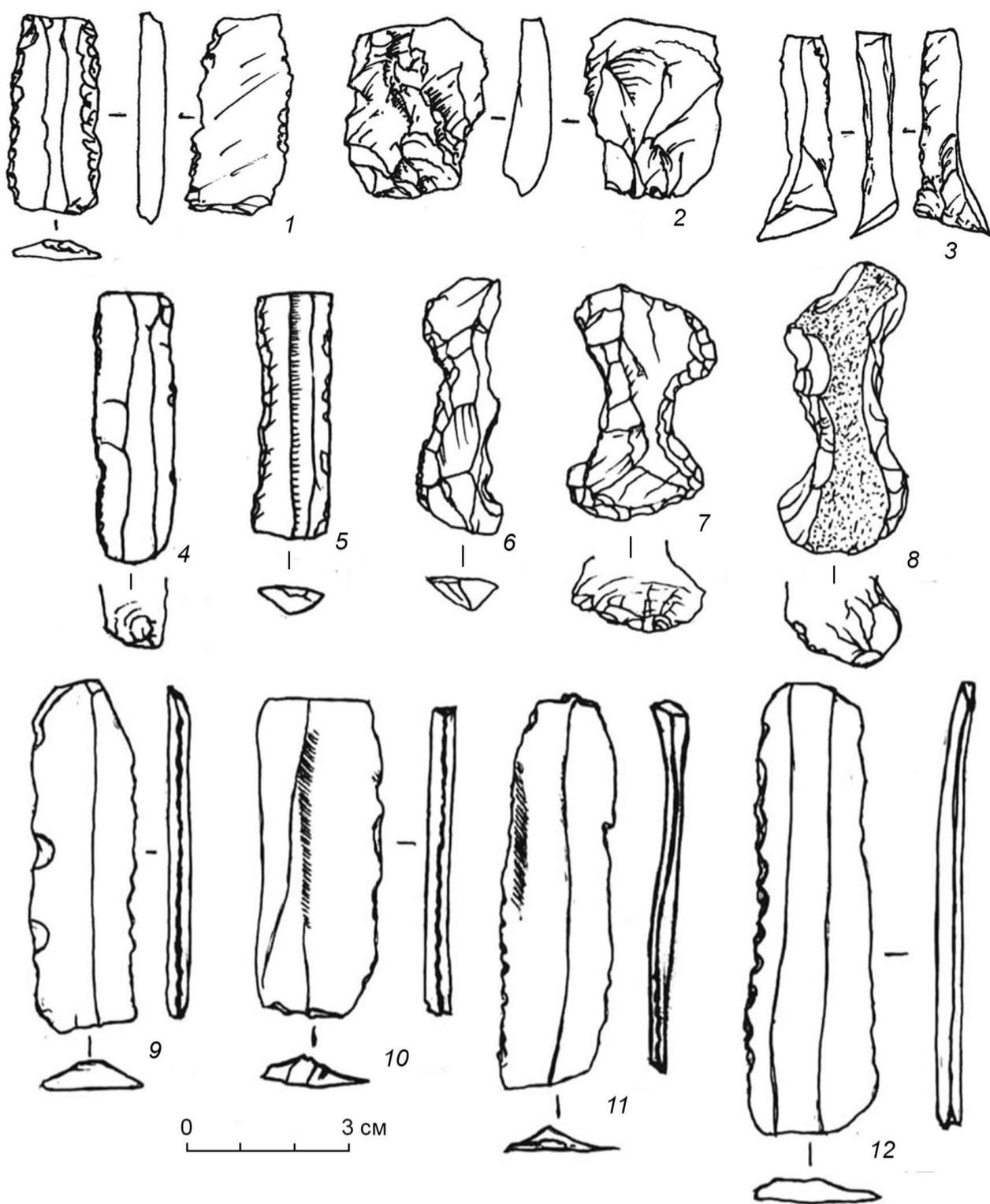

Рис. 7. Каменная индустрия лейлатепинской культуры.
 1-8 – Лейлатепе; 9-13 – Бейук Кесик. 1 – скребок, 2 – резец-стамеска,
 3 – нож-скребок, 4-5 – вкладыши серпов, 6-8 – скобели;
 9-13 – ножевидные пластины. 1-3 – обсидиан; 4-13 – кремнь

Fig. 7. Stone industry of Leilatepe culture.
 1-8 – Leilatepe; 9-13 – Beyuk Kesik. 1 – scraper, 2 – cutter-chisel,
 3 – knife-scraper, 4-5 – sickle inserts, 6-8 – shaving knife;
 9-13 – knife-shaped plates. 1-3 – obsidian; 4-13 – flint

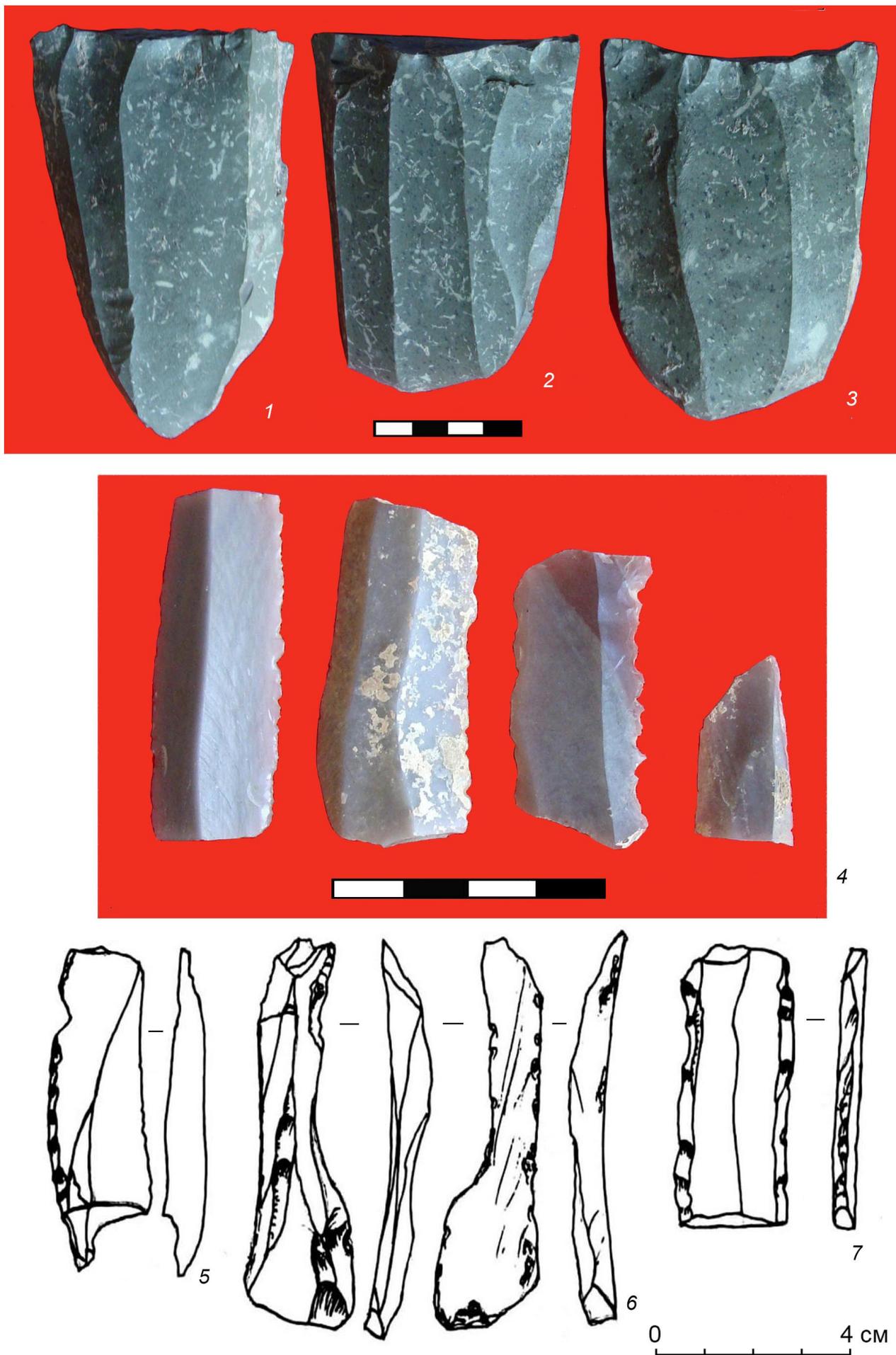

Рис. 8. Каменная индустрия лейлатепинской культуры.
1-3 – кремневые нуклеусы (Пойлу II); 4-7 – орудия из серебристого обсидиана (Галаери)

Fig. 8. Stone industry of Leilatepe culture.
1-3 – Flint nuclei (Poylu II); 4-7 – silver obsidian tools (Galayeri)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Алиев Н., Нариманов И. Культура Северного Азербайджана в эпоху позднего энеолита. Баку: «Агридаг», 2001. 144 с.
2. Museibli N. Chalcolithic settlement Beyuk Kesik. Baku: "Nafta-Press", 2007. 216 p
3. Museibli N. The Galayeri settlement: Late Chalcolithic traditions of Eastern Anatolia and the Caucasus // TÜBA-AR 25/2019. Pp. 63-76 Ankara, 2019.
4. Шишлов А.В., Колпакова А.В., Федоренко Н.В. Исследования поселения Майкопской культуры у ст. Натухаевской // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. / Отв. ред. М.Б. Мужухоев. Магас: «Пилигрим», 2010. С. 374–377.
5. Müseyibli N.Ə. Leylatəpə mədəniyyəti. Bakı: "Elm və təhsil", 2020. 576 s.
6. Агамалиева С.М. Гончарство Азербайджана. Баку: «Элм», 1987. 136 с.
7. Tobler A.J. Excavations at Tepe Gawra. Vol. II. Philadelphia: The University Museum. University of Pennsylvania Press, 1950. 442 p.
8. Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М.: «Наука», 1981. 320 с.
9. Корневский С.Н. Современные проблемы изучения майкопской культуры // Археология Кавказа и Ближнего Востока. Сборник к 80-летию члена-корреспондента РАН, профессора Р.М. Мунчаева. М.: «Тauc», 2008. С. 71–122.
10. Лионне Б., Алмамедов К., Буке Л., Курсье А., Джелилов Б., Хусейнов Ф., Лут С., Махарадзе З., Рейнард С. Могильник эпохи позднего энеолита Союз Булаг в Азербайджане // Российская археология. 2011. № 1. С. 48–61.
11. Əsədov V. CQBKG (SCPX) boru marşrutunun 389.220-ci km-də yerləşən II Poylu yaşayış yerinin qazıntısı haqqında geniş elmi hesabat. Bakı, 2018. 264 s.
12. Muscarella O.W. The Chronology and Culture of Se Girdan: Phase III // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Vol. 9. № 1, 2. 2003. Pp. 117–131.
13. Манзура И.В. Владеющие скипетрами // Stratum plus. 2000. № 2. С. 237–295.
14. Телегин Д.Я., Нечитайло А.Л., Потехина И.Д., Панченко Ю.В. Среднеэпогов-
1. Aliev N, Narimanov I. *Culture of Northern Azerbaijan in the Late Eneolithic* [Kul'tura Severnogo Azerbaydzhana v epokhu pozdnego eneolita]. Baku: Agridag, 2001.
2. Museibli N. *Chalcolithic settlement Beyuk Kesik*. Baku: "Nafta-Press", 2007.
3. Museibli N. The Galayeri settlement: Late Chalcolithic traditions of Eastern Anatolia and the Caucasus. *TÜBA-AR*. 25/2019. Ankara, 2019: 63-76.
4. Shishlov AV, Kolpakova AV, Fedorenko NV. Studies of the Maikop culture settlement near Natukhaevsk [Issledovaniya poseleniya Maykopskoy kul'tury u st. Natukhaevskoy] *Problems of chronology and periodization of archaeological monuments of the cultures of the North Caucasus*. XXVI "Krupnov Readings" on the archaeology of the North Caucasus. Magas: Piligrim, 2010: 374-377.
5. Müseyibli N.A. *Leilatepe culture*. Baku: Science and Education, 2020.
6. Agamaliyeva SM. *Pottery of Azerbaijan* [Goncharstvo Azerbaydzhana]. Baku: Elm, 1987.
7. Tobler AJ. *Excavations at Tepe Gawra*. Vol. II. Philadelphia: The University Museum. University of Pennsylvania Press, 1950.
8. Munchayev RM, Merpert NY. *Early agricultural settlements of Northern Mesopotamia* [Rannezemledeľcheskie poseleniya Severnoy Mesopotamii]. Moscow: Nauka, 1981.
9. Korenevsky SN. Modern problems of studying the Maikop culture [Sovremennye problemy izucheniya maykopskoy kul'tury] *Archaeology of the Caucasus and the Middle East. Collection for the 80th anniversary of Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Professor R.M. Munchayev*. Moscow: Taus, 2008:71-122.
10. Lyonne B, Almammadov K, Bouquet L, Coursier A, Jalilov B, Huseynov F, Lut S, Makharadze Z, Reinard S. Late Eneolithic burial ground Soyug Bulag in Azerbaijan [Mogil'nik epokhi pozdnego eneolita Soyug Bulag v Azerbaydzhane]. *Rossiyskaya Arheologia*. 2011, 1: 48-61.
11. Asadov V. *An extensive scientific report on the excavation of the Poylu II settlement located at 389.220 km of the SCPX pipeline route*. Baku: 2018.
12. Muscarella OW. The Chronology and Culture of Se Girdan: Phase III. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. Vol. 9. № 1, 2. 2003: 117-131.
13. Manzura IV. Scepter Wielders [Vlodayushchie skipetrami]. *Stratum plus*. 2000, 2: 237-295.

ская и новоданиловская культуры энеолита Азово-черноморского региона. Луганск: «Шлях», 2001. 152 с.

15. Корневский С.Н. Феномен власти и его символы на долгом пути к государственности (теория и практика исследования) // *Stratum plus*. 2011. № 2. С. 143–166.

16. Rahmstorf L. In search of the earliest balance weights, scales and weighing systems from the East Mediterranean, the Near and Middle East // *Weights in context. Proceedings of the international colloquium*. Roma, 22-24 November 2004. Ed. by Alberti M.E., Ascalone E., Peyronel L. Istituto Italiano di Numismatica: Roma, 2006. Pp. 9–44.

17. Ialongo N., Rahmstorf L. The identification of balance weights in pre-literate Bronze Age Europe: Typology, chronology, distribution and metrology // *Weights and Marketplaces from the Bronze Age to the Early Modern Period. Proceedings of Two Workshops Funded by the European Research Council (ERC)*. Ed. by Lorenz Rahmstorf and Edward Stratford. Wachholtz Verlag Kiel/Hamburg – Murmann Publishers 2019. Gottingen: 2019. Pp. 105–126.

18. Аразова Р.Б. Каменные орудия труда ранних земледельческо-скотоводческих племен западного Азербайджана. Баку: «Элм», 1986. 164 с.

19. Мусебли Н.А. Миграции из Передней Азии на Кавказ в позднем халколите (первая половина IV тыс. до н.э.) // *Stratum plus*. № 2. 2020. С. 71–82.

20. Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. М: «Наука», 1975, 415 с.

21. Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я. Телль Хазна I: раскопки 2001 года // *Российская археология*. 2002. № 4. С. 20–39.

22. Balossi Restelli F. The External relations of Arslantepe in the first half of the 4th millennium BCE // *Arslantepe. Proceedings of the I international archaeoloci simposium*. Edited by Neslihan Durak-Marcella Frangipane. İnönü University Press. Malatya: 2019. Pp. 105–117.

23. Mahmudov F.R. Əlikömək təpəsində arxeoloji qazıntıların ilkin yekunları // *Daş dövrü və Azərbaycanında eneolit*. Bakı: ADU, 1984. S. 53–74.

14. Telegin DY, Nechitailo AL, Potekhina ID, Panchenko YV. *Srednestog and Novodanilovsk cultures of the Eneolithic period of the Azov-Black Sea region [Srednestogovskaya i novodanilovskaya kul'tury eneolita Azovo-chernomorskogo regiona]*. Lugansk: Slyakh, 2001.

15. Korenevsky SN. The phenomenon of power and its symbols on the long way to statehood (theory and practice of research) [Fenomen vlasti i ego simvolny na dolgom puti k gosudarstvennosti (teoriya i praktika issledovaniya)]. *Stratum plus*. 2011, 2: 143-166.

16. Rahmstorf L. In search of the earliest balance weights, scales and weighing systems from the East Mediterranean, the Near and Middle East. *Weights in context. Proceedings of the international colloquium*. Roma, 22-24 November 2004. Alberti M.E., Ascalone E., Peyronel L. (ed.). Istituto Italiano di Numismatica: Roma, 2006: 9-44.

17. Ialongo N, Rahmstorf L. The identification of balance weights in pre-literate Bronze Age Europe: Typology, chronology, distribution and metrology. *Weights and Marketplaces from the Bronze Age to the Early Modern Period. Proceedings of Two Workshops Funded by the European Research Council (ERC)*. Ed. by Lorenz Rahmstorf and Edward Stratford. Wachholtz Verlag Kiel/Hamburg – Murmann Publishers 2019. Gottingen: 2019: 105-126.

18. Arazova RB. *Stone labor tools of the early agricultural and cattle-breeding tribes of Western Azerbaijan [Kamennye orudiya truda rannikh zemledel'chesko-skotovodcheskikh plemen zapadnogo Azerbaydzhana]*. Baku: Elm, 1986.

19. Museibli NA. Migration from Western Asia to the Caucasus in the Late Chalcolithic (first half of the 4th millennium BC) [Migratsii iz Peredney Azii na Kavkaz v pozdnem khalkolite (pervaya polovina IV tys. do n.e.)]. *Stratum plus*. 2020, 2: 71-82.

20. Munchayev RM. *Caucasus at the dawn of the Bronze Age [Kavkaz na zare bronzovogo veka]*. Moscow: Nauka, 1975.

21. Munchayev RM, Merpert NY. Tell Khazna I: excavations of 2001 [Tell' Khazna I: raskopki 2001 goda]. *Rossiyskaya Arheologia*. 2002, 4: 20-39.

22. Balossi Restelli F. The External relations of Arslantepe in the first half of the 4th millennium BCE. *Arslantepe. Proceedings of the I international archaeoloci simposium*. Ed. by Neslihan Durak-Marcella Frangipane. İnönü University Press. Malatya: 2019:105-117.

23. Mahmudov FR. Preliminary results of archaeological excavations in Alikomek Tepe. *Stone Age and Eneolithic period in Azerbaijan*. Baku: ASU, 1984: 53-74.

Поступила в редакцию 30.07.2022 г.

Принята к публикации 14.08.2022 г.

Опубликована 10.10.2022 г.